

ванных выше армянских рукописях, насчитывающее 52 графемы. С самого начала агванистических штудий этому числу не без оснований придавалось важное значение в определении генетической принадлежности языка, обслуживающегося этой системой. Так, опора на него позволила А. Г. Шанидзе отметить, в частности, следующее: «По своему звуковому составу албанский язык близко стоял к современному удинскому языку, на котором говорят жители селений Варташен и Нидж. Удинский букварь Т. Джейранишвили, составленный на латинской основе (Сухум, 1934), насчитывает 51 знак, каждый из которых служит для передачи одного определенного звука. При этом надо иметь в виду, что А. А. Аджиашвили, удин из Варташена, принимавший участие в работах удинской комиссии по составлению этого алфавита (при Институте кавказоведения АН СССР в Тбилиси), сообщил мне, что комиссия, вводя знак *s*, не сочла нужным вводить особый знак для другого вида *s*, редко встречающегося в удинском. А в удинском алфавите, составленном на основе русской графики, которым пользовался варташенец С. Бежанов для своего перевода евангелия на удинский язык, имеется 47 знаков, причем мягкие согласные и носовой (ен) в азбуке не обозначены» [7, с. 174; 8, с. 448—449] (богатство агванского алфавита в обозначении шипящих согласных было сопоставлено им с наличием двух рядов шипящих в удинском; он же справедливо полагает, что в характеристике Мовсесом Хоренаци «гаргарского языка» как изобиловавшего «гортанными звуками», естественно видеть указание на серию фарингализованных гласных, богато представленную в удинском). Дальнейшие исследования всецело подтвердили мысль о том, что агванский алфавит должен был обслуживать удинский язык в его древнем состоянии.

Не следует забывать вместе с тем, что фонематический принцип построения алфавита, предполагающий равенство числа графем количеству фонем в языке, далеко не всегда оказывается единственным фактором, определяющим число графем в исторически засвидетельствованных письменных системах.

При определении числа графем агванского алфавита необходимо учитывать известное наблюдение Н. С. Трубецкого, согласно которому в алфавитах этой поры проступала отчетливая тенденция иметь их общее число, кратное девяти. Это обстоятельство объяснялось тем, что несколько девятиричных наборов графем создавали возможность использовать их также для записи чисел, изображая соответственно единицы (1—9), десятки (10—90), сотни (100—900), тысячи (1000—9000) и т. д. (как известно, впервые соотношение букв алфавита с определенными цифровыми значениями засвидетельствовано в древнейшем финикийском алфавите). В этой связи ср., в частности, его гипотезу о 36 буквах в первоначальной глаголице [9, с. 24]. На Кавказе последний принцип был реализован при разработке грузинского алфавита, насчитывавшего также 36 графем. То же самое относится и к армянскому алфавиту [10, с. 119]. Поэтому заслуживает внимания предположение А. Г. Абрамяна о том, что «если в агванском алфавите имелось более пятидесяти букв (ср. 52 знака обоих рукописных списков.— Г. К.), то он должен был состоять не из пятидесяти двух, а из пятидесяти четырех букв, так как $54 : 9 = 6$ » [11, с. 34], на основании чего он приходил к заключению, что воспроизведение агванского алфавита в рукописи Матенадарана № 7117 содержит пропуск двух букв. Можно думать, что такой пропуск образуется за счет неучета в рукописном списке двух встречающихся в надписях диграфов — 53 и 54, по-видимому, передававших соответственно простое *u*, с одной стороны, и фарингализованное *u*, — с другой (здесь и далее порядковым номером графемы читатель отсылается к таблице агванского алфавита на с. 462).

Мысль о закреплённости цифровых функций за агванскими графемами впервые высказал А. Г. Шанидзе, писавший, в частности: «...полагая,